

ПРИКЛАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА

Научная статья
УДК 130.12:81'366
DOI: 10.46724/NOOS.2024.3.89-98

Н. И. Петев

ПРЕФИКСЫ «ПОСТ-», «ТРАНС-» И «АНТИ-» КАК КОГНИТИВНО-ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ, ФОРМИРУЮЩИЕ СОВРЕМЕННОЕ МЫШЛЕНИЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию префиксов «пост-», «транс-» и «анти-» как языковых единиц, которые формируют мышление индивида. Основная проблема заключается в следующем: действительно ли использование исследуемых префиксов способно не только раскрывать и пояснять содержание, но и создавать совершенно новые смыслы. Новизна данной работы заключается в комплексном и методическом анализе исследуемых префиксов, а также в выявлении их основных качеств и специфики применения. Основной задачей является раскрытие функционала, телеологии и этиологии применения исследованию префиксов «пост-», «транс-» и «анти-». В работе использован комплекс методов: анализ, синтез, сравнительный, диалектический. Метод деконструкции и моделирования позволяет более глубоко проанализировать синтез префиксов и отрицаемого/преодолеваемого. Кроме того, в работе также были применены психологический и этический подходы. В результате анализа выявлено, что отрицаемое изолируется, а префиксы вступают в синтез лишь с суррогатом («моделью») первого. Выведены и проанализированы три основных вектора отрицания/преодоления. Зафиксирована разность манипулирования временем исследуемых префиксов. Выявлено функциональное назначение применения синонимов и тавтологического метода, а также проанализированы основные характеристики неологизмов.

Ключевые слова: префиксы, синтез, синонимы, тавтология, неологизмы

Ссылка для цитирования: Петев Н. И. Префиксы «пост-», «транс-» и «анти-» как когнитивно-языковые единицы, формирующие современное мышление // Ноосферные исследования. 2024. Вып. 3. С. 89—98.

Original article

N. I. Petev

PREFIXES «POST-», «TRANS-» AND «ANTI-» AS COGNITIVE-LINGUISTIC UNITS THAT SHAPE MODERN THINKING

Abstract. This work is devoted to the study of the prefixes “post-”, “trans-” and “anti-” as linguistic units that form the attitude and thinking of an individual. The main problem lies in the following: is the use of the studied prefixes really capable of not only revealing and explaining the content, but also creating completely new meanings. The novelty of this work lies in a comprehensive and methodical analysis of the studied prefixes, as well as in identifying their main qualities and application specifics. The main task is to reveal the functionality, teleology and etiology of the application of the prefixes “post-”, “trans-” and “anti-” to the study.

© Петев Н. И., 2024

Ноосферные исследования. 2024. Вып. 3. С. 89—98 •

The work uses a set of methods: analysis, synthesis, comparative, dialectical. The deconstruction and modeling method allows a deeper analysis of the synthesis of prefixes and negated/overcome. In addition, psychological and ethical approaches were also applied in the work. The author comes to the following conclusions. It is revealed that the negated is isolated, and prefixes enter into synthesis only with a surrogate (“model”) of the first. Three main vectors of negation/overcoming are derived and analyzed. The difference in time manipulation of the studied prefixes is considered. The functional purpose of using synonyms and the tautological method is revealed. The main characteristics of neologisms are identified and analyzed.

Keywords prefixes, synthesis, synonyms, tautology, neologisms

Citation Link: Petev N. I. (2024) The prefixes “post-”, “trans-” and “anti-” as cognitive-linguistic units that shape modern thinking, *Noospheric Studies*, no. 3, pp. 89—98.

Динамика развития современного общества благодаря интенсификации темпов роста научно-технического развития предполагает и «ускорение» языка, в частности процессов словообразования. Язык нуждается в ритме для своего упорядочивания и структурирования [Юнгер, 2005: 101]. Это касается не только «обычного» функционирования языка, но и процессов его развития и изменения. Под давлением иных сфер язык изменяется как в аспекте внутреннего строения, так и во внешних формах проявления.

Ж. Бодрийяр указывал, что в современном обществе вещей становится все больше и не хватает слов для их именованя [Бодрийяр, 2020: 10, 146—147]. В цивилизации, в которой все больше безымянных вещей (или же именуемых при помощи неологизмов и парафраз), люди менее устойчивы против мифологии [там же: 147]. Мифо-идеологический дискурс реализуется не только в парадигме собственно сфер своего происхождения, но и, используя язык как канал реализации, оказывает интенсивное влияние на индивида и общество. И. Кант выступал против бесконтрольного производства неологизмов. Дело в том, что изобретать новые слова — значит претендовать на законодательство в языке, что редко увенчивается успехом [Кант, 2014: 287]. Иными словами, в данном случае ставится под сомнение релевантность отношений формы и содержания, означающего и означаемого и т. д.

Но вместе с тем стоит подчеркнуть параллельную тенденцию. Современный индивид не просто «бежит» за вещами в рамках процесса именованя. Он не просто «отстающий», пытающийся «нагнать» производимые явления. Он сам становится неким «творцом» через процесс создания реальности, используя все новые и новые слова.

Префиксы «пост-», «транс-» и «анти-» являются «магическими» инструментами образования новых слов и понятий. Они выполняют двойственную роль.

Во-первых, скрывают некий кризис и критику того, чему они противопоставлены. Они схожи с бартовскими прилагательными: они придают силу существительным, которые подвержены износу [Барт, 2014: 212]. Отрицаемое рассматривается как нечто сформировавшееся и законченное. Оно уже израсходовало свою силу¹, а потому процесс развития сменяется реверсив-

¹ Это отрицаемое буквально представляет собой нечто мертвое. Оно не только не способно к дальнейшему развитию, но и уже находится в процессе разложения.

ным — деградацией. Некая «выработка» самих себя понятиями вызывает острую необходимость преодоления разрушающегося отрицаемого. Префиксы на первый взгляд выполняют радикально противоположную роль прилагательному — скомпрометировать то, что представлено существительным. Эта девальвация, хоть и представлена как нечто естественное², тем не менее является искусственной и намеренной. Можно указать на «ускорение»³ некоего разложения с целью экономии времени, которое пришлось бы затратить без использования катализатора. Однако эта внешняя сторона является лишь алиби действительной телеологии и этиологии.

Префиксы «пост-», «транс-» и «анти-» не вступает в реальное отношение с тем, к чему происходит присоединение. Присоединяющее (то, к чему присоединяют, чаще всего существительное) представляет собой искусственный конструкт. Отрицаемое — это то, как «пост-», «транс-» и «анти-» интерпретируют и позиционируют то, что они отрицают. Данные префиксы имеют дело лишь с суррогатом, который позиционируется как действительный феномен. Фокус внимания смещается на эту «модель», тем самым отчуждая и изолируя то, что сам неологизм должен отрицать: отрицается не миф, а лишь его интерпретация; преодолевается не гуманизм, а его «модель» и т. д.

Во-вторых, данным префиксам приписывается характер квинтэссенции. Выступая в качестве субстанции, они — производящие смысл и содержание. Само отрицаемое перестает играть роль субстанции, т. е. эту задачу берут на себя вышеуказанные префиксы. Создается иллюзия создания нового смысла, которое обеспечено автономией объединения отрицаемого и отрицающего в слове. Зависимость от изначального отрицаемого остается несмотря на то, что оно отчуждается. Оно присутствует в виде копии или даже пародии или карикатуры.

Сочетание префиксов «пост-», «транс-» и «анти-» и отрицаемого приводит к видимости диалектического синтеза, т. е. что их отношение производит нечто новое (третье). Но вместе с тем отсутствует внутреннее отношение отрицающего и отрицаемого. Взаимоотношение здесь чисто внешнее, условное и формальное. Диалектическое отношение отсутствует. Также отсутствует и разрешение противоречия в нечто третье⁴. Синтез должен дать что-то положительное⁵, но подобный результат не производится. Противоречие остается, как

² Сведение к некоей естественности представляет собой алиби, в частности, чтобы драпировать действительный смысл, содержание цель и т. д.

³ Скорость является фетишем современности. Еще Э. Фромм указывал на ее обожествление в парадигме развития некрофилической тенденции [Фромм, 2016: 447—448]. Итальянский футурист Ф. Т. Маринетти писал, что время и пространство умерли вчера, а человек живет в абсолютном, так как человечество уже создало вечную и вездесущую быстроту [Манифесты..., 1914: 7].

⁴ Взаимоотношение антиценности и ценности не могут произвести что-то новое (третье). Попытка синтеза приводит либо к тому, что антиценности лишаются своей автономии (являются ценностями, например отрицательными), либо имеют собственную область, отличную от аксиологической (являются явлениями иного, не-ценностного характера). Попытка объединить ценности и антиценности в рамках одной области приводит к массе противоречий.

⁵ Гегель указывал, что диалектика приводит к положительному результату, так как она имеет определенное содержание [Гегель, 2022: 167].

и постоянная отсылка этих элементов друг к другу. Разрешением данного заикливания является утверждение суррогата отрицаемого⁶. Необходимость позитивного результата синтеза находит свою реализацию в рамках внутреннего противопоставления, т. е. в парадигме отношения префиксов и «модели» отрицаемого, которая была искусственно создана отрицающим в рамках собственной риторики. Подобное схоже с абсолютным и сплошным синтезом в-себе-бытия. Реальное взаимодействие происходит с элементом своей иерархии, который лишь позиционируется как нечто другое, т. е. оно не выходит за рамки отношения с самим собой.

Префиксы «пост-», «транс-» и «анти-» хоть и предполагают некое универсальное и категоричное преодоление, однако смысловая нагрузка данного процесса имеет дифференциацию в зависимости от префикса. «Анти-» указывает на регрессивное движение, т. е. транспозицию в момент, где отрицаемое «еще» (и одновременно «уже») не существует. «Пост-»⁷ — это прогрессивное движение отрицания. Отрицаемому нет места в «потом», «далее», «затем». Но эта будущность уже наличествует, т. е. реализована в настоящем. «Транс-» — предполагает движение, еще только совершаемое. Таким образом, можно говорить о трех разных по вектору реализации преодолений: регрессивное («анти-»), прогрессивное («пост-») и в движении или осуществляемое («транс-»). Вместе с тем само содержание того, что отрицается/преодолевается, не имеет смыслового значения, так как внимание смещается на отрицающее. Кроме того, если «анти-» представляет собой движение «от», а «транс-» предполагает движение «к», то «пост-», благодаря поглощению будущности, есть полная завершенность и стагнация.

Сами эти префиксы хоть и пусты, а их функциональная и содержательная основы отрицательны, в синтезе с отрицаемым должны производить нечто положительное. Этот синтез, будучи означаемым и предполагая смыслообразующий примат префикса, должен указывать на конкретное и положительное означаемое. Подобного не происходит. Сами «пост-», «транс-» и «анти-», позиционирующие себя как образующие содержание, подобны «трону без короля». На место второго члена синтеза можно установить любое понятие. Подобная смена не только легко осуществима, но и имеет достаточно эффективные результаты — интенсивное создание и интеграция неологизмов. Префиксы, будучи также неким каналом реализации означаемого, не связаны с ним категорично. Гибкость отношений подразумевает, что как префиксы способны вступать в связь с иными понятиями (образуя неологизмы), так и означаемое, становясь свободным, имеет иные пути своей актуализации (т. е. синонимы).

С движением связаны метаморфозы временения. «Анти-» предполагает погружение в прошлое, момент, когда отрицаемое еще не существует.

⁶ Анти-миф производит собственные мифологемы, распространяя мифотворчество на иные сферы (не только чисто религиозные), а антиценности обретают причастность к аксиологической сфере через определение себя как ценности.

⁷ Стоит отметить, что не стоит исключать, что «пост-» может быть рассмотрен как «де-». Например, можно предположить, что постгуманизм является не чем-то совершенно новым, а лишь некой формой дегуманизации прошлого (в частности, дегуманизация и отрицание человеческой реальности в искусстве, на которые указывал еще Х. Ортега-и-Гассет [Ортега-и-Гассет, 2009]).

Х. Ортега-и-Гассет указывал, что «анти-» указывает на позицию, когда отрицающий ставит себя хронологически ниже, чем отрицаемое [Ортега-и-Гассет, 2018: 98]. Основной его целью является владение настоящим, а отрицаемое в такой парадигме — нечто устаревшее. Но вместо того, чтобы обращаться к прогрессивной плоскости, оно обращается к некому «космогоническому времени», пока еще не появился данный рудимент. Таким образом, имеет место некое переустройство, которое предполагает новую реальность, в которой отсутствует отрицаемое⁸. Намного сложнее обстоит дело с префиксами «пост-» и «транс-». На первый взгляд, они обладают одинаковой схемой оперирования (манипулирования) временем, но есть и коренные различия. «Транс-», предполагая некое активное движение, распространяет свое влияние в настоящем. Оно сказывается именно о нем. Но будущее, к которому происходит некое движение, не обладает своей самостоятельностью. Оно не только уже определено этим «настоящим», но и уже практически наличествует сейчас. Устраняется некий зазор (или остается минимальный⁹) между настоящим и будущим¹⁰, в котором возможны акцидентные моменты. «Пост-» предполагает абсолютную контаминацию настоящего и будущего (настоящее уже в будущем). В данном случае стоит скорее говорить о реверсивном характере поглощения.

Для означаемого всегда образуется альтернативный канал актуализации, если используются неологизмы с использованием исследуемых префиксов. Такой альтернативой являются синонимы¹¹. Они выполняют несколько основных задач. Во-первых, это дополнительное пояснение того, что должен передать синтез префикса и отрицаемого/преодолеваемого. Во-вторых, они являются неким алиби несостоятельности вышеуказанного синтеза, т. е. стремятся скрыть отсутствие содержания. Оно берется во временное пользование у синонима. Этот синтез заимствует общеизвестность, а потому не требуется раскрытие его содержания. В-третьих, общеизвестность обеспечивает безопасность этого неологизма, так как нейтрализуется необходимость его хабиитуализации.

В рамках объяснения содержания синтеза префиксов «пост-», «транс-» и «анти-» и отрицаемого/преодолеваемого успешным является обращение к методике тавтологии. Р. Барт указывал, что преимущество тавтологического метода заключается в том, что ему ничего не нужно объяснять [Барт, 2014: 163]. В парадигме исследуемого явления тавтология имеет два уровня своего применения. Первый состоит в применении ее в положительной форме (например,

⁸ Отчасти подобная ретроспектива схожа с космогоническими мифами. Однако они ориентированы на все три времени (настоящее, прошлое и будущее) или на состояние вне времени.

⁹ Плотность смешения практически обеспечивает отсутствие пластов и переходов. Их явное выделение есть не что иное, как идеологический прием, в частности, объясняющий невозможность практической реализации.

¹⁰ Э. Тоффлер указывал, что шок будущего возникает в результате преждевременного прихода будущего, и он возникает в рамках наложения новой культуры на новую, т. е. это шок собственной культуры [Тоффлер, 2004: 23].

¹¹ И. Кант отмечал, что применение синонимов может привести к утрате самой мысли, которую в точности мог передать конкретный термин [Кант, 2014: 287]. Синонимы, как и неологизмы, выполняют в данном случае функцию экономии лингвистических единиц для пояснения, сводя последнее к пустой очевидности, вызывая некий принцип радикальной экономии мышления (отсутствие необходимости определения).

«пост-человек — новый человек»; «пост-гуманизм — модернизированный гуманизм» и т. д.), и в негативной форме (например, «антиценность — противоположность ценности»). Тавтология избавляет от необходимости иметь какие-либо идеи, делая этот принцип суровым моральным законом [Барт, 2014: 163—164]. Таким образом, исключается необходимость анализа и раскрытия неологизма. Отсылка к привычным понятиям в данном случае служит критерием понятливости. Образующаяся однородность не только создает условие состоятельности неологизма, но и является механизмом его интегрирования в сознание индивида.

Второй — обращение к синонимам. Отдавая свое содержание отрицающему синтезу, их совместное применение в рамках объяснения приводит к возникновению тавтологии. Мы получаем идентичные друг другу по содержанию понятия, которые при совместном использовании создают тавтологическое определение. Они постоянно отсылают лишь друг к другу¹². В данном случае также можно указать на вышеуказанную однородность, которая выполняет те же функции.

Неологизм должен обладать рядом характеристик, чтобы оставаться жизнеспособным и функциональным. Сюда можно отнести следующие черты: простота, общеизвестность, повторяемость, безопасность и потребляемость. Гегель указывал, что простота есть скудное, абстрактное и одностороннее определение, и такое абстрактное простое вместе с тем мертвое [Гегель, 2022: 69, 108]. В когнитивном аспекте простота не тождественна знанию или его раскрытию. Она не обладает динамикой развития, а потому всегда связана с такими тенденциями индивида, как стремление к комфорту и привычки. Р. Барт отмечал, что простота служит успешным алиби, пресекающим интеллектуальную экзегезу [Барт, 2014: 163]. Простое есть очевидное и необходимое. Оно знакомое, а потому всегда функционально, даже без представления и раскрытия его содержание. Простое — всегда есть «нечто», а потому этого достаточно, чтобы устанавливать для него как минимум состоятельность его абстрактного смыслового содержания. Простота таким образом обеспечивает неологизмам с использованием префиксов «пост-», «транс-» и «анти-» лучшее интегрирование в мышление. Несмотря на отсутствие определения, они рассматриваются как знакомые и уже используемые ранее в парадигме как мышления, так и коммуникации. Простота связана с тавтологическим методом, поэтому их сочетание инициирует видимость обоснованности неологизма.

Общеизвестность — еще одна особенность неологизмов с использованием префиксов. Она представляет собой первичную форму натурализации, а обозначение чего-то как общеизвестного значит представлять его содержание как знакомое [там же: 211—212]. Содержание неологизма представляется как прозрачное, естественное¹³ и раскрытое. Поиск определения излишен, так как подобная операция представляется как бесполезная работа и преднамеренное усложнение. Дефиниция уже заложена в синтезе префиксов «пост-», «транс-» и «анти-» и от-

---

¹² В данном случае также наличествует сплошной синтез (в-себе). Врагом тавтологической системы является диалектика [Барт, 2014: 150]. Последняя не только принуждает выйти за пределы «себя», но и нарушает «однородность» (абсолютное равенство неологизма и синонима).

¹³ Эта естественность играет роль некой открытой «природы», которая настолько является наглядной и доступной, что отсутствует какая-либо необходимость в ее определении.

рицаемого/преодолеваемого, даже если отсутствует конкретная формулировка. Такое «выставление на показ» содержания, которое есть лишь маскировка его отсутствия, исключает необходимость анализа и проверки. Вышеуказанное схоже с «толками» М. Хайдеггера, так как они исключают настоящее понимание, и благодаря им отсутствует необходимость освоения сути [Хайдеггер, 2015: 169]. Наличествует усредненное понимание. Утрачивая свою связь с содержанием, становясь беспочвенным, «толки» обретают авторитарный характер. Более того, они есть суть замыкание [там же: 169]. Аналогичное замыкание можно обнаружить в парадигме использования и актуализации исследуемых неологизмов. Они не раскрывают содержание, но лишь отсылают к самим себе без определения и пояснения. Общеизвестность — это всегда определенное толкование¹⁴, которое не столько связано с содержанием, сколько есть лишь смутное и приблизительное понимание «о-чём». Оно и предполагает среднее понимание для всех, и потому все подразумевают «то же самое». Общеизвестность связана как с простотой, так и тавтологией, поэтому она инициирует релевантность неологизмов специфике современного мышления, а также обеспечивает успешную их интеграцию.

Следующая черта исследуемых неологизмов — повторяемость. Ф. Г. Юнгер отмечал, что язык и ритм основаны на повторении [Юнгер, 2005: 72, 102]. В неологизмах, которые представляют собой синтез префиксов «пост-», «транс-» и «анти-» и отрицаемого/преодолеваемого, можно выделить три типа повторяемости. Во-первых, повтор (копия) изначального (отрицаемого) понятия в «модели», который присутствует в вышеуказанных неологизмах. Исследуемые префиксы вступают не в действительное отношение с тем, что они отрицают/преодолевают, но лишь с суррогатом (интерпретацией) последнего. Во-вторых, повтор смыслового содержания синонима, о котором было отмечено выше. В-третьих, повтор префиксов с целью симуляции наличия нового содержания. Ярким примером является такой неологизм, как постпостмодернизм. После смерти постмодернизма возник постпостмодернизм, который указал пустующее место в теории культуры и социальной философии [Метамодернизм..., 2020: 13]. В парадигме этого нововведения возникло большое количество течений и концепций (например, автомодернизм, диджимодернизм и т. д.), которые стремились объяснить современную реальность, в частности социально-культурную. Интересно указать на следующую особенность формирования неологизма «метамодернизм»: «префикс «мета» оставался единственной незанятой приставкой, которую можно было использовать в качестве альтернативы многочисленным альтернативам постмодернизма» [там же: 15]. Удвоение префикса «пост-» создает видимость наличия нового содержания. Но в действительности имеется следующее: происходит преодоление преодоления, которое само преодолевает нечто. Иными словами, имеет место все та же идея, что и в парадигме развития синтезом префикса «пост-» и преодолеваемого — на первое место выходит префикс как смыслообразующее. При добавлении второго префикса первый как бы теряет свою силу, смешивается с отрицаемым в некую монолитную «модель». Но такое «усложнение» не раскрывает содержание, оно

¹⁴ Еще Ф. Ницше указывал, что индивид видит не причины, а лишь причины толкования, и что у него возникает привычка к известному толкованию [Ницше, 2014: 48—49].

еще больше уводит в бесконечную отсылку между элементами «пост-», «пост-» и моделью (в данном случае — модернизм). Подобные конструкты обладают теми же качествами, спецификами и функциями, что и проанализированные выше неологизмы с использованием исследуемых префиксов. Даже «метамодернизм», учитывая вышесказанное, в своем формальном раскрытии и объяснении содержания отсылает к постмодернизму (как антагонизму) и к постпостмодернизму (как синониму, способному дать определение).

Еще одна черта исследуемых неологизмов — безопасность. Если нечто что-то значит, то оно уже становится не так опасно [Барт, 2014: 153]. Оно безопасно¹⁵, потому что простое и общеизвестное, и именно в такой форме оно становится комфортным. Безопасное, как и простое и общезначимое, всегда предпочтительно в рамках процесса использования и применения, ведь в таком случае отсутствует разрушительная акциденция. Все просчитано и выверено, а потому и нет места случаю, который может иметь деструктивный характер. Использование префиксов «пост-», «транс-» и «анти-» есть процесс обеспечения безопасности, в частности буквально исключая поиск определения, отправляющий лишь к абстрактному общеизвестному и простому.

Потребляемость также является одной из черт неологизмов, произведенных с использованием префиксов. Э. Фромм указывал на то, что индивид в современности потребляет все вокруг себя [Фромм, 2009: 99—100]. Язык и слова также включены в данный процесс. Неологизмы должны быть «легковесными», чтобы быть легкоусвояемыми, так как только в такой форме они будут приемлемы для современного индивида. Сферы с «тяжеловесными» знаками (такие как мораль, религия и т. д.) крайне сложны для употребления, а потому единственным выходом для них из сложившейся кризисной ситуации является секуляризация. Подобно тому как все сферы человеческой деятельности подчиняются массовости как принципу современного потребления, так и языку приходится подчиняться этим «нормам», которые устанавливают вектор «развития» всех сфер человеческой деятельности. И необходимо отметить несколько важных моментов. Во-первых, трансформация идей из сложных в более простые, в частности в форму чувства [Лебон, 2019: 193—194]. Рассуждение массы происходит в парадигме мнимой аналогии и последовательности [там же: 195—196]. Аналогичное происходит и с языком, в частности, в рамках «производства» неологизмов. Они должны быть ориентированы на создание образов, смутного понимания, абстрактного сознания, но не на строгость, логичность, сложность и т. д., что часто присуще сложным идеям. Даже если за неологизмом должно стоять что-то сложное, сам он должен отправлять к принципам простоты, общеизвестности, безопасности и потреблению. Во-вторых, современный массовый человек живет в рамках принципа всеобщего изобилия [Ортега-и-Гассет, 2018: 102—106]. В такой системе «должного многообразия» появление и актуализация неологизма с использованием исследуемых префиксов не просто неизбежно, но и является следствием и требованием массового мышления и культуры.

---

¹⁵ Ж. Бодрийяр отмечал, что безопасность есть форма социального контроля [Бодрийяр, 2015: 310], а также предпосылка самовоспроизводства системы [там же: 313]. Хотя безопасность и связана с неким аспектом омертвления, вместе с тем она также является некоторым механизмом регуляции. Аналогичное присутствует и в парадигме исследуемых неологизмов — они влияют не только на мышление индивида, но и на специфику его коммуникации.

В заключение стоит отметить, что появление вышеуказанных неологизмов также является следствием специфики современного производства — серийности. Каждый элемент серии указывает на другое звено в этой цепи¹⁶, а также на рост серии. Внешнее многообразие есть следствие скудной и ограниченной комбинаторики. В своей серийности эти неологизмы теряют первоначальные функции, актуализируя вторичные. Их назначение состоит не в раскрытии или понимании и даже не в каком-то возможном «удовольствии» (современное потребление на него не ориентировано), а лишь в выполнении иных функций: погоня за новизной, популяризация, соответствие критериям потребления и т. д. Но аналогично тому, как у серийной вещи есть срок годности [Бодрийяр, 2020: 183], так и неологизму отведен определенный срок жизни (в частности, в соответствии с движением моды¹⁷).

Библиографический список / References

- Барт Р. Мифологии. М.: Академический проект, 2014. 351 с.
(Bart R. *Mythologies*, Moscow, 2014, 351 p. — In Russ.)
- Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2015. 392 с.
(Baudrillard J. *Symbolic exchange and death*, Moscow, 2015, 392 p. — In Russ.)
- Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рипол классик, 2020. 256 с.
(Baudrillard J. *The system of things*, Moscow, 2020, 256 p. — In Russ.)
- Гегель Г. В. Ф. Логика. М.: АСТ, 2022. 448 с.
(Gegel' G. V. F. *Logika*, Moscow, 2022, 448 p. — In Russ.)
- Кант И. Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2014. 736 с.
(Kant I. *Criticism of pure reason*, Moscow, 2014, 736 p. — In Russ.)
- Лебон Г. Психология народов и масс. М.: АСТ, 2019. 320 с.
(Lebon G. *Psychology of peoples and masses*, Moscow, 2019, 320 p. — In Russ.)
- Манифесты итальянского футуризма: собрание манифестов / пер. В. Шершеневича. М.: Русское товарищество, 1914. 77 с.
(Manifestos of Italian futurism: a collection of manifestos, Moscow, 1914, 77 p. — In Russ.)
- Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / под ред. Р. ван ден Аккера. М.: Рипол классик, 2020. 342 с.
(van den Acker R. (ed.) *Metamodernism. Historicity, Affect and Depth after postmodernism*, Moscow, 2020, 342 p. — In Russ.)
- Ницше Ф. Падение кумиров: Избранное. СПб.: Лениздат, 2014. 224 с.
(Nitsche F. *The fall of idols: Favorites*, St. Petersburg, 2014, 224 p. — In Russ.)
- Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2018. 256 с.
(Ortega y Gasset J. *The uprising of the masses*, Moscow, 2018, 256 p. — In Russ.)

---

¹⁶ Ярким примером является серийность, разворачивающаяся вокруг понятия «модернизм».

¹⁷ Ж. Бодрийяр отмечал, что вторичная серийность образует моду [Бодрийяр, 2020: 179]. Сама же она не обладает внутренней детерминированностью, а потому обладает свободой безграничных подстановок и перестановок [Бодрийяр, 2015: 169].

Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства // Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». М.: Алгоритм, 2009. С. 105—157.

(Ortega y Gasset J. Dehumanization of art, in: *Crisis of consciousness: a collection of works on the «philosophy of crisis»*, Moscow, 2009, pp. 105—157. — In Russ.)

Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2004. 557 с.

(Toffler E. *Future shock*, Moscow, 2004, 557 p. — In Russ.)

Фромм Э. Отделение от себя // Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». М.: Алгоритм, 2009. С. 97—104.

(Fromm E. Separation from oneself, in: *Crisis of consciousness: a collection of works on the «philosophy of crisis»*, Moscow, 2009, pp. 97—104. — In Russ.)

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ, 2016. 624 с.

(Fromm E. *Anatomy of human destructiveness*, Moscow, 2016, 624 p. — In Russ.)

Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический проект, 2015. 460 с.

(Heidegger M. *Being and time*, Moscow, 2015, 460 p. — In Russ.)

Юнгер Ф. Г. Язык и мышление. СПб.: Наука, 2005. 304 с.

(Jünger F. G. *Language and thinking*, St. Petersburg, 2005, 304 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 31.05.2024; одобрена после рецензирования 26.06.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 31.05.2024; approved after reviewing 26.06.2024; accepted for publication 02.09.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Петев Николай Иванович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир, Россия, cyanideemo@mail.ru

Petev Nikolay Ivanovich — Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor of Philosophy and Religious Studies Department, Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov, Vladimir, Russian Federation, cyanideemo@mail.ru